

# *Фабричная девчонка*

*Пьеса*

## ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Женька.

Леля.

Надюша.

Ирина.

Бибичев.

Федя.

Анна Петровна.

Представитель.

Нина.

Вера.

Мужчина.

Уборщица.

Кинооператор и другие.

Куда бежишь, тропинка милая,  
Куда зовешь, куда ведешь?  
Кого ждала, кого любила я,  
Уж не воротись, не вернешь...

Комната в фабричном общежитии.

Софиты на треногах.

По радио, заглушив песню, грянул текст предпраздничной передачи: «Город Ленина вместе со всей страной готовится к встрече тридцать девятой годовщины Великого Октября. В день всенародного праздника советские люди еще раз продемонстрируют свою верность делу партии, преданность идеям ленинизма...»

Кинооператор, бормоча и напевая, проверяет съемочный аппарат. Бибичев наблюдает, как идет подготовка к съемке. В двери теснятся девушки из других комнат.

Бибичев. Закройте дверь! Мешаете же, мешаете!.. Дмитрий Семенович, вы готовы? Мы готовы.

Женька. Товарищ оператор, можно, я желтую кофточку надену?

Бибичев. Нечего, нечего.

Кинооператор. Надевайте.

Женька приоткрыла дверцу шкафа, за ней переоделась.

Кинооператор. Хорошо бы книжек на этажерку. Есть книги?

Бибичев (*к тем, кто в двери*). Кто-нибудь, принесите книги. Вот ты давай, Оля.

Леля. А где я их возьму?

Бибичев. В красном уголке.

Леля. А мне не дадут.

Бибичев. Дадут. Скажи, Бибичев велел. Под мою ответственность.

Кинооператор. Эта кровать мешает.

Бибичев. Эта? Девочки, кровать!

Девочки, тяжело грохнув, переставили кровать.

Принесли книги.

Бибичев. Куда их?

Кинооператор. На этажерку.

Надюша, пошептавшись с Бибичевым, тоже скрылась за дверцей шкафа.

Леля. Не возись, Надюша.

Кинооператор. Так. Свет дали, ребята. Девочки, за стол. Сели.

Загорелись софиты.

Бибичев. Девочки, сели, сели.

Кинооператор. Столик на полметра сюда.

Передвинули.

— Хорошо. Так, чтоб я вас никого не перепутал... (*Бибичеву.*) Отойдите, мешаете, вы в кадре. Так, комсорг кто у вас?

Леля (*встала*). Я.

Кинооператор. Вы комсорг. Садитесь. Я вас перепишу. Так, это комсорг, клетчатое платье. Дальше кто у нас?

Надюша. Надежда Лапина. Пришла на фабрику после десятилетки.

Бибичев. Вообще-то, Анну Петровну надо как-то...

Кинооператор. Не надо Анну Петровну. Дальше.

Женька. Шульженко, Евгения. Прядильщица. Желтая кофточка, с клипсами.

Кинооператор. Клипсы снимите, пожалуйста. Дальше.

Женька. Ирина Волкова, тоже прядильщица. Шатенка двадцати лет.

Бибичев. Шульженко! У нее свой язык есть!

Кинооператор. Клипсы снимите! Я же просил!

Женька (*сняла*). Это — Бибичев. Освобожденный секретарь.

Кинооператор записал, проверил свет экспонометром.

Надюша. Скажите, а разговаривать можно?

Бибичев. Лапина, не болтай.

Кинооператор. Можно.

Надюша. А с вами?

Кинооператор. Пожалуйста. (*Помощнику.*)  
Камеру. (*Подали ручную камеру.*) Сколько там?

Помощник. Может не хватить.

Надюша. Вы с нами познакомились, а мы с вами нет. Даже не знаем, как вас звать.

Кинооператор. Дмитрий Семенович.

Бибичев. Закройте дверь, сколько нужно говорить! (*Занял место перед камерой среди девушек.*)

Кинооператор. Товарищ, вы же в кадре!

Бибичев отошел.

— Так, начинаем со слоника, потом пойдут книжки...

Надюша. Дмитрий Семенович, а интересно кинооператором работать?

Кинооператор (*проверяя панораму*). Очень. Дальше кровать.

Женька. Что-то стала интересоваться. Федору напишу.

Надюша. Федю я ни на кого не променяю.

Кинооператор. Панорама, отъезд от койки, ясно. Никто не мешает. Так, девочки, все внимание сюда. Комсорг Леля, тетрадку раскройте, готовитесь к экзамену. Вы...

Женька. Евгения...

Кинооператор. Лист бумаги. Есть лист бумаги? Пишете письмо родным.

Женька. Нет родных, я детдомовская.

Кинооператор. Извините, тогда знакомым. (*Ирине.*) Волкова. Входите с чашками, разливайте чай. Я скажу, когда входить. (*Надюше.*) Берете книжечку с этажерки...

Надюша. Любую?

Кинооператор. Любую. Присели на кровать, читаете.

Ассистент. Может не хватить.

Бибичев. Сервизик бы надо.

Кинооператор. Не надо сервизик. Собрались, девочки. Быстро сделаем, и все свободны. Внимание! Готовы? Дали свет. (*Комната озарена.*) Волкова, за дверь, я скажу. Все готовы? Каждая занимается своим делом! Мотор! Поехали. (*Стрекочет камера.*) Слоник... Книжечки... Теперь Надя.

Надюша задумчиво посмотрела в объектив.

Кинооператор (*выключил камеру*). Надя! Надюша, милая! В чем дело? Девочки, в камеру не смотрит никто! Я же просил!

Надюша. Ой, я испортила!

Кинооператор. Ну конечно испортила. Напоминаю. Вы (*Леле*) занимаетесь экзаменами. Вы (*Надюше*) читаете книжку. В камеру никто не смотрит. Понимаете? Еще раз! Свет! Внимание! Собрались! Тихо. Еще раз. Мотор! Слоник пошел... Книжки... Надежда, сейчас вы молодец... Комсорг, повыше голову... еще повыше. Задумалась... Теперь Волкова пошла. Пошла, пошла, давно пошла! Разливает чай, разливает... Хорошо. Не торопитесь... Села на свое место. Молодцы! Стоп! Спасибо, девочки. А сейчас все — в сторонку, в угол. А вы, комсорг, сидите. Свет на комсорга. (*Леле.*) Занимайтесь чем занимались, когда я скажу — посмотрите в камеру.

Леля. Вы сказали не смотреть.

Кинооператор. Вам можно. Коля, перевези прибор.

Осветитель перевез софит, осветил Лелю с затылка.

— Наезжаем. (*Приближается к Леле.*) Наезжаем, наезжаем...

Женька. Леля, улыбнись! Ну улыбнись, Леля! Улыбнувши лучше!

Леля улыбнулась.

Кинооператор. Стоп! (*Выключил камеру.*) Не надо улыбаться! Улыбаться не надо!.. Еще раз. Мотор! Начали! (*Леле.*) Сосредоточилась — глаза в камеру, в камеру! Стоп! Отлично! Съемка окончена, всем спасибо.

Софиты погасли.

Надюша (*подходит*). Дмитрий Семенович! А вы еще придете к нам?

Кинооператор. Внимание! Девочки! У нас с вами еще съемка в парке и подшефном детском саду.

Леля. Как в саду? Мы же туда уже два месяца не ходили...

Бибичев. Ходили, ходили. Надо только предупредить, позвонить.

Кинооператор. В среду после работы могли бы?

Бибичев. Понадобится — освободим от работы. (*Девушкам.*) Книжки — в красный уголок!

Кинооператор. Очень хорошо, до среды. (*Жмет Бибичеву руку.*) До свиданья.

Осветители уложили аппаратуру в ящики, вынесли.

Ассистент. Камеру менять пора.

Кинооператор. Это в дирекцию, это в местком, я пас, все пора менять. До свиданья, девушки, до среды.

Надюша. До свиданья, заходите.



Женька. Всем спасибо, всем пожалуйста, вот что такое интеллеktуал.

Леля. Книжки в красный уголок.

Женька. А Надюша, видели? Ну оторва!

Надюша. А что такое, разьясни.

Женька. Скажите, кинооператором интересно работать?

Надюша. На себя лучше обрати внимание.

Женька. Если у него что-нибудь получится — представляете? Приходишь в кино с молодым человеком, и вдруг он видит тебя на экране. Скромное обаяние, простая на первый взгляд девушка.

Надюша. А кровати кто обратно поставит?

Леля. Бибичев обещал ребят прислать.

Женька. Как им нужно — пожалуйста, а как нам — никого. Ир, помоги!

Ирина (*она разговаривает медленно. Мысли ее не здесь*). А эти киножурналы только у нас показывают?

Женька. Может, и в заграницу пошлют. Ты напиши своему. Супругу.

Ирина. Сегодня выхожу из проходной, думаю: там ничего этого не будет. Ничего. Все чужое. И на всю жизнь...

Женька. Кого посылаем?.. Вот я бы поехала! И сготовлю, и спляшу, и варежки свяжу.

Леля. Тебя там не хватало! Стыда не оберешься на всю Европу.

Ирина. Леля, скажи, ты бы поехала?

Леля. Я бы не поехала. А ты поедешь.

Ирина. Почему?

Леля. Потому что ты ненормальная.

Надюша. Где мои «Крокодилы»? Восемь штук было...



Ирина. Если бы я была уверена. А я знаю, что он меня все равно разлюбит.

Женька. Псих! Ты сможешь или нет?

Ирина. Встречались мы с ним в нашем клубе. Гуляли в нашем саду. Он иностранный студент. Я русская девушка. Я ему казалась чем-то таким... А там буду совсем другая.

Леля. Если ты ему не веришь, как же ты можешь ехать?

Ирина. Вот я и говорю...

Леля. Книжки — в красный уголок. Давайте.

Женька. Можно подумать — здесь умные люди живут. Полбиблиотеки собрали.

Девушки стали выносить книги. Вошел Бибичев.

Бибичев. Комелькова, задержись.

Леля осталась.

Бибичев. Чего же бледная такая?.. Погуляла бы немного. Кислород необходим.

Леля. Ладно, Юра. Если по делу — говори.

Бибичев. По делу, по делу... В общем, так. Звонили из «Комсомольской правды». Просили, чтобы кто-нибудь написал в газету статью, под названием «Нам стыдно за подругу». О девушке, которая относится легкомысленно, в общем, о моральном облике.

Леля. А я тут при чем?

Бибичев. Ты лучший комсогруппорг. Кому же писать, как не тебе.

Леля. Нашел фельетониста. Я и писать-то не умею.

Бибичев. Кандидатуру нужно подобрать. Чего греха таить, что, нет у нас таких, что ли? Лель! Навалом! Эта вот *(показывает на Надюшину койку)*.

Подарок... Да? Нет? Эта вот... замуж в заграницу собралась... Здесь никого себе не нашла.

Леля. А почему обязательно из нашей группы?

Бибичев. Давай из другой. Из какой? Тогда почему не из вашей? Потому что для киножурнала снялись? Наоборот, хорошо. Не боимся критиковать авторитеты.

Леля. Я писать не буду.

Бибичев. Леля! Там просили. Там очень просили. Чтобы в результате статьи каждый оглянулся на себя... Спросил бы себя честно, по-комсомольски: а правильно ли он живет сам?.. А нет ли подобных среди подруг, друзей?.. Кто-нибудь все равно напишет. Какой-нибудь корреспондент. Лучше уж мы сами.

Леля молчала.

— А насчет кандидатуры подумай, Леля. Серьезно подумай. Хорошенько приглядишься.

Вошли Надюша, Женька, Ирина.

Надюша. А кровати кто обратно поставит?

Женька. А Бибичев ребят обещал прислать — молодых, стройных, высоких...

Бибичев. А ну! *(Помогает поставить кровати. Лихо, весело.)* Ну, я пошел.

Леля. Подожди, подожди.

Бибичев. Леля! Леля, ты что?

Леля. А с детским садом как быть?

Бибичев. Я же говорил — позвоните.

Леля. Я звонить не буду.

Бибичев *(вздыхнул)*. Так надо, Леля. Понимаешь? Надо! У меня все. *(Уходит.)*

Женька. Подруга! По правде не проживешь. Учись у Надюшки.

Надюша. Что это — у меня?

Женька. Иди-иди, расскажи Феденькиной матери, как ты к оператору подъезжала.

Ирина. Сказали бы по-честному: в садик не ходим, сниматься не будем.

Леля. Только что на бюро отчитывалась.

Женька. Вот, не надо врать вам, комсоргам.

Взяла зеркало, принялась наводить красоту.

Леля. Шла бы ты... мазаться в умывальную.

Женька (*раскинув руки*). Повторяем танец. Па-де-зефир. Движение ветерка. (*Напевая мелодию, танцует.*)

Леля. Почему вчера на комсомольском собрании не была? Стали проверять — тебя нет.

Женька. Я была. Прения начались, я ушла.

Леля. Почему?

Женька. Скучно стало, подруга.

Леля. А от кого это зависит? От нас же самих.

Женька. Что от нас зависит? Позовут — мы проголосуем.

Надюша. Чья бы корова... Только и делаешь — всех критикуешь.

Женька. А если у меня критическое направление ума?

Надюша. Критиковать легче, чем делать.

Женька. Хватит! Надоело. Счастливо оставаться!

Леля. Куда?

Женька. В клуб «Первое мая».

Леля. Смотри, Женя, смотри.

Женька. Чего это мне смотреть?

Леля. Каждый раз попадаешь в какую-нибудь историю.

Женька. А я виновата, что ко мне пристают?

Леля. Ко мне что-то никто не пристаёт.

Женька. Нашла чем хвалиться.

Леля. Потому что я знаю им цену.

Женька. Я тоже знаю, не волнуйся.

Ирина. Девки! Да что вы такое говорите! Слушать страшно. Люди всем жертвовали ради любви, сколько таких примеров! Я даже предание такое читала: в мире разбросаны половинки. И эти половинки всю жизнь ищут друг друга. И только когда они встретятся...

Женька. Дочиталась. Салют, девы! *(Ушла.)*

В клубных небесах заливался эстрадный оркестрик тех лет. Скрещивались, вспыхивали лучи клубных прожекторов.

А в общежитии уже полутемно. Светится переплет стеклянного окошка, выходящего в коридор. Девушки спят. Только Женькина койка пуста.

Ирина *(поднимается на постели)*. Девочки!.. *(Ей не отвечают.)* Девочки!

Леля *(не сразу)*. Что?

Ирина. Я еду.

Надюша. Черт, только заснула...

Ирина. Надюша! Я решила. Еду!

Надюша. Счастливая...

Ирина. Не знаю.

Надюша. Господи! Мне бы уехать куда-нибудь... Закатиться. Другой дом, другие люди. А какие — неизвестно. Хуже нет, когда заранее все известно. *(Поднялась в сорочке, пошла к шкафу.)* Целая банка варенья была. Всё съели. *(Присела за стол, доскребаёт.)* Вот — Федя. Он меня любит. И я его люблю. И мама его, Анна Петровна, меня тоже любит. И я знаю, как мы будем жить.

Вот так — шкаф, так — тумбочка... А могло быть по-другому? Открывается дверь, и заходит какой-то человек...

Леля. Мужчина.

Надюша. И говорит: «Надежда! Идем». Не стану спрашивать куда. Пойду.

Леля. Иждивенческие настроения. Кто-то придет, кто-то позовет. А сама ты что, уж не человек?

Ирина. Смотри, Надька. Что имеем — не храним, потерявши — плачем.

Надюша. Феденька — мой!

Ирина. Как ты странно говоришь — «мой». Если по-настоящему любишь — всегда, наверно, кажется, что ты недостойна его.

Надюша. Глупо.

Ирина. Ведь если ты его любишь, то считаешь самым лучшим человеком. Так?

Надюша. Ну?

Ирина. А он почему-то вдруг любит тебя!

Надюша. Значит, он тоже считает тебя самым лучшим человеком. Только не разубеждай его в этом.

Ирина. По-моему, есть два вида любви. Одни думают только о том, что они могут получить от любимого, а другие — что они могут дать любимому человеку.

Надюша. Сколько людей — столько родов любви.

Леля. Мы будем спать?

Замолкли.

Ирина. Леля...

Леля. Что?

Надюша. Ну, начинается. На всю ночь. Скорей бы уж уехала.

Ирина. Я хочу тебя спросить... Можно?

Леля (*не сразу*). Можно.

Ирина. Ты любила кого-нибудь? Ты понимаешь, в каком смысле я спрашиваю? В буквальном.

Леля молчала.

— Если не хочешь — не отвечай.

Леля молчала.

— Ты скрытная...

Хлопнув дверью, входит Женька. Зажгла свет, швырнула сумочку на кровать, села за стол.

Женька. Гады!

Леля. Кто?

Женька. Все. Какой-то чижик пристал, а меня из клуба.

Леля. Так! Сколько раз предупреждала — горох об стенку! Достукалась?

Надюша. Теперь начнется веселая жизнь. Пятно на всю группу.

Женька. А эта только за себя дрожит!

Надюша. Не за себя, а за группу.

Ирина. Действительно, Женя. Лучшая группа.

Женька. Хватит! «Лучшая, лучшая» — надоело! Переведите меня в худшую!

Леля. Тебе не стыдно?

Женька. К черту! До двадцати пяти лет молодость, а потом можно и воспоминания писать!

Леля. А сейчас ты не живешь?

Женька. Прозябаю!

Леля. Ясно. Ну так вот, дорогая. Мне поручили написать статью в «Комсомольскую правду» о моральном облике. И если ты до того докатилась, что тебя из клуба выгнали, да еще эти твои рассуждения... Как хочешь, Женя, я напишу о тебе!

Женька. Вот везуха! В газету попасть! Давай, Леля, строчи!



Ирина. Бессовестная ты, Женька. Пиши, Леля, я тебе помогу!

Леля. И напишем! От всей комсогруппы напишем!

Надюша. Да вы что, девки, с ума сошли? Сор из избы выносить...

Леля. А ты хочешь со всеми хорошей быть?

Надюша. Если у тебя плохое настроение, не срывай его на других!

Леля. Со всеми хорошей быть нельзя. Как конфетку оближешь!

Надюша. Кидаться на всех тоже не буду!

Леля. Я кидаюсь, да? Кидаюсь? Кидаюсь?

Женька. Вот сейчас бы вас для кино снять!

Леля. Пошла ты!..

Женька. Да еще со всем лексиконом!

Кинооператор сидел перед просмотрным экраном. В зале Надюша. На экране — кадры из киножурнала.

Голос диктора. Наш корреспондент побывал в общежитии, где живут девушки лучшей комсомольской группы фабрики. Это — Надежда Лапина, Евгения Шульженко, Ирина Волкова, а это — комсорг Елена Комелькова.

На экране Женька, Леля, Надюша. Крупно — Леля. Она оторвалась от конспектов, улыбнулась.

Кинооператор. Стоп! Я же просил не печатать этот кадр! В чем дело? *(На экране замелькали треугольники и зигзаги. В зале загорелся свет.)* Коля, перемотай и отнеси в монтажную. *(Надюше.)* Ну как?

Надюша. Все очень хорошо получились. Я одна плохо. Хуже всех.



Кинооператор. Секундочку. Подождите.

Надюша. Вы мне?

Кинооператор. Да, сейчас...

Надюша. Скажите, а вы удивились, что я вам позвонила?

Кинооператор. Нет, почему? Нормально.

Надюша. Вам, наверное, показалось, что я развязная? А я не хочу, чтобы у вас было такое впечатление. Просто так мало случается видеть в жизни интересных людей, поэтому хочется казаться чуть лучше.

Кинооператор. Я и не думал. Идите, встаньте сюда!

Надюша. Не надо на меня смотреть.

Кинооператор. Сумочку можно? *(Взял у нее сумку. Затем снял с нее плащ. Размотал шарфик.)*

Надюша смутилась, не знала, как это понять. Может быть, у них так положено?..

Кинооператор посмотрел на нее в объектив фотоаппарата. С одной стороны. С другой стороны. Снова подошел, развязал ленту, распустил ей волосы. Она оттолкнула его. Но тут же почувствовала себя виноватой.

Надюша. Простите. Ой, как глупо... Я знаю, я дура, всего боюсь.

Кинооператор щелкнул затвором. Еще раз — с другой точки. Снимал и снимал ее. Чуть сверху, немного снизу, крупней. Она была сейчас красива.

Кинооператор. Спасибо.

Надюша. Я понимаю, я для вас обыкновенная, каких тысячи. А вы... Все у вас тут необыкновенное... это ваш мир. А у нас все серо, обычно. Вон про Женьку статью написали в «Комсомольскую правду» — «Нам стыдно за подругу». Отклики

пришли, все возмущаются. А если честно, то я ей даже завидую, у нее хоть что-то произошло... Я не то говорю. Все не то... Мне трудно жилось, всю жизнь разочарования... Когда мама умерла, мне шесть лет было. От меня это скрывали, а я все понимала. Только того боялась, что мне скажут — и надо будет переживать. А я ничего не переживала, глупа была! Потом отец женился второй раз, уехал, а меня соседка взяла, тетя Вероника. Никогда не забуду: сидела у нее за столом и только об одном думала, как бы лишнего не съесть. У нее настроение испортится, на ком сорвать? На мне. «Надежда, возьми чемодан, поезжай к папе и скажи: „Папа, я буду жить у тебя“». Как будто у меня был чемодан! Накинешь пальтишко — и на улицу. Ходишь, ходишь, пока у нее злость не пройдет. Потом в школе с мальчиком подружилась, меня его мама полюбила, Анна Петровна. Она меня и на фабрику устроила. Вот с тех пор работаю, простая прядильщица. Но все ищу чего-то. Сама не знаю чего... Можно, я еще раз приду?

Кинооператор. Приходите...

Усмехнулась, понимая, что незачем.

Радиорепортаж. Минувшей зимой вместе с молодыми патриотами Ленинграда, поехавшими на освоение целинных земель, был слесарь одного из заводов города Алексей Крючков. Свое горячее желание принести пользу Родине он выразил в стихотворении «Я еду».

В степи палаток белых ряд,  
Тут же воздвигаемые здания.  
Молодых строителей отряд  
Растревожил сонное молчание.

Суслики пугливые из нор  
Выглянут и поскорей обратно,  
А вокруг распаханый простор,  
Океан богатства необъятный.  
И хлебам, и стройкам здесь расти,  
Так расти, как это людям надо.  
Приезжайте жить, а не гостить  
В степи к нам, друзья из Ленинграда.

Ирина. Вот, еще прислали отклики. Бибичев передал, все чтоб прочли.

Леля. Надюшу не видела?

Ирина. Нет. А что?

Леля. Федор приехал.

Ирина. Заходил?

Леля. Заходил.

Ирина. А Надюшка где?

Леля. Неизвестно.

Женька посмеялась. Леля выключила репродуктор.

Леля. Вот послушай отклики, что тут о тебе пишут. «Привет из Полоцка. Знай, Женья, что ты сама портишь себе жизнь... После вспомнишь, но будет поздно. И так уж над тобой смеются везде — и в Ленинграде, и у нас в Полоцке. А если гуляешь с каким-нибудь парнем, то он тоже погуляет с тобой, посмотрит на тебя, посмотрит и бросит, и тоже посмеется...»

Женька. Какой ужас!

Леля (*разворачивает еще одно письмо*). «Привет с Кавказа. Здравствуйте, незнакомая девушка Леля. Пишет вам незнакомый Гиви. Прошу извинения за беспокойство. Примите привет и море пожеланий в вашей молодой и цветущей жизни... Я прочитал в газете вашу статью. Дело в том, что

я одинок, не имею настоящего друга. Напишите мне свою автобиографию и вышлите фото...» Ну, это не то.

Женька. Подружки, не теряйтесь! Ловите женихов!

Ирина. А что здесь смешного? Ну хочет человек переписываться. Мало ли что.

Леля (*нервно просматривает почту, ищет нужное*). Вот! «Вашу статью обсудили всем кубриком...»

Женька. О! Морячки пишут.

Леля. «...и пришли к выводу, что вы жестоко наказали ее...»

Женька (*выхватила у Лели письмо*). Это я сама прочту. «Вы в своей статье пишете, что она неисправима. Но В. И. Ленин — Ленин! — говорил, что девяносто девять процентов поддаются агитации или внушению. Не могла же она оказаться согой! Почему же вы сами не повлияли, а стали просить помощи у газеты?» Критика в ваш адрес. (*Бросила письмо, легла на кровать.*) А вообще-то, девочки, об вас о каждой можно такую статью написать... С идеальной точки зрения.

Леля. Идеальных людей нет.

Ирина. Извини, Женя, я не о себе, но почему-то именно нашу группу все хвалят.

Женька. Врем о себе много, вот и хвалят. Господи, сколько народу всполошили!

Леля. Неужели ты никаких выводов для себя не сделала?

Женька. Да что тебе от меня вообще надо? Что ты ко мне пристала? На весь Союз ославил, мало? За собой сначала смотри, прежде чем других учить!

Леля. Меня из клуба не выгоняли!  
Женька. И не выгонят никогда, у тебя все будет шито-крыто!

Ирина. Перестань, слушать совестно!

Женька. А ты уезжала бы поскорее!

Ирина *(со слезами)*. Уеду, потерпи!

Леля *(Женьке)*. Что ты орешь на всех?

Женька. Хочу и буду орать!

Леля. Пока из комнаты не вылетела!

Женька. Испугала!

В дверях Надюша.

Надюша. Всё кричите... *(Входит в комнату, садится на стул, молчит.)* А я на студии была. Смотрела наш киноматериал... Ты, Леля, хорошо получила. Я хуже.

Женька. Оператора видела?

Надюша. Ну видела. А что?

Женька. Смотри, Надюшка, он тебе напоеет...

Надюша. Ты знаешь его — так говорить?

Женька. Я тебя знаю.

Леля. Федор приехал.

Надюша. Врешь!

Леля. Иди, он тебя ищет.

Надюша. А где он?

Леля. А я-то откуда знаю. Наверно, у матери сидит.

Женька. Что ж ты не идешь?

Надюша. А... *(Махнула рукой.)* Найдет. Я еще за ним набегаюсь, когда замуж выйду.

Постучали в дверь.

Леля. Войдите.

Надюша. Федька! Приехал!..



Радиорепортаж. Работники завода «Красная заря» провожали своих китайских друзей, работников строящегося в Китае телефонного завода. На платформе возле вагона образовался круг и начались выступления. Нет, это был не митинг. Просто по очереди китайские и советские товарищи обращались друг к другу с сердечными словами и выражением дружеских чувств. До свидания, китайские друзья!

В общежитии сидел Федя, один. Затем вошла Ирина, принялась гладить. Появилась Леля. Взяла у Ирины утюг.

Леля. Все плечики измяла. Вот как надо. Поняла? Иди уж, я доглажу.

Ирина пошла переодеваться за дверцу шкафа.

— Имей в виду: и мелочи могут испортить семейную жизнь. И вообще, поменьше надо лежать. Ты как-то все лежа делаешь: читаешь лежа, вышиваешь лежа, сидишь нога за ногу, горбишься. Будь женщиной, а то там будут думать, что у нас все женщины такие.

Ирина. Главное в женщине — это чистые ногти и хорошая обувь. Руки-ноги, остальное не важно.

Леля. Кто это тебе сказал?

Ирина. Надюшка. Она в курсе.

Вошла Женька. Она в пальто.

Женька. Привет. *(Смотрит на Федю.)* Все сидишь?

Федя молчал.

Леля. Женя!

Женька. А что — Женя? Ты все за правду воюешь, вот пускай знает правду.

Ирина (*выглянула из-за дверцы шкафа*). Молчи, Женька.

Женька. Что это я должна молчать!

Ирина. Мы ему тоже не чужие.

Женька. А... родственники. Тогда молчу. (*Снимает пальто, ложится на кровать.*)

Леля (*взглянула на часы*). Девочки, быстро в красный уголок! На беседу. (*Собрала конспекты.*) Ирина!

Ирина. Там Анна Петровна ждет!

Леля. Женя! Поднимись.

Женька. Я в нерабочее время не подчиняюсь.

Вошла Анна Петровна.

Анна Петровна (*Феде*). Ты здесь?

Леля (*Ирине*). Идем. (*Уходят.*)

Женька. Здравствуйте, Анна Петровна.

Анна Петровна. Давно не виделись. (*Феде.*)

А Надюшка где?

Женька. Скоро придет.

Анна Петровна (*Феде*). Не знаешь, где она? Я сижу, жду, у меня все готово, стол накрыт. Вы что, не договорились?

Федя. Может, хватит? Давайте переменяем тему.

Анна Петровна. Не груби.

Женька. Он со мной договорился. Да, Федя?

Анна Петровна. А ты бы помолчала, Шульженко. Федя, выйдем-ка со мной.

Федя. Да. Я вот с ней договорился... (*Женьке.*) Ну, чего лежишь? Собирайся.

Анна Петровна (*сухо*). Что-то новое.

Женька. А что? С морячком потанцевать! Девочки рухнут.

Анна Петровна. Кажется, натанцевалась.



Федя. Где сегодня?

Женька. Не знаю, в Парке культуры можно...

Тогда я сейчас. Кофточку надену.

Федя. Так узнают.

Анна Петровна глянула на сына, с отвращением на нее, ушла.

Женька (*танцует с партнершей-кофточкой*).

Танцуй танго,  
Мне так легко.

Федя. Ну? Прошу.

Женька. Нет, дорогой, пока. Дела у меня накопились, дела.

Федя. Постой, подруга, эти игры не проходят.

Стал у двери, не пускает.

Женька (*взяла яркий журнал, легла на койку, стала читать — так, для себя*). «В этом возрасте ваши козыри: мягкий взгляд, умение с интересом слушать собеседника и учитывать особенности вашей фигуры». (*Феде*.) Французский парикмахер пишет.

Федя. Знаешь, давай сразу договоримся: без причуд.

Женька. Не рано ли условия ставишь?

Федя. Научен опытом.

Женька. Придется переучивать.

Встала, хотела уйти — Федя удержал ее за руку.

— Больно.

Федя. Куда?

Женька. В красный уголок на беседу. (*У двери оглянулась*.) Не боишься — пошли. Рядом посидишь.

Федя. Мне бояться нечего.

Женька. Со мной теперь кто рядом посидит —  
пятно на всю жизнь.

Федя. Лекций не люблю.

Женька. А зря, тема как раз для тебя: «Любовь, брак, семья»... Все-таки испугался, морячок? Сдрейфил.

Федя. Стоп. *(Не в ответ на ее слова, но что-то решил.)* Пошли.

Красный уголок. Обстановка делового заседания. В сторонке, за попитрами, сидели прервавшие репетицию музыканты. За столом Леля. Бибичев следил за ходом беседы. Вошли Федя и Женька. На них оглядываются. Они садятся на свободный диванчик неподалеку от двери. Бибичев посмотрел насмешливо, сделал выводы.

Леля *(тоже взглянула внимательно)*. В капиталистическом обществе вся любовь...

Женька. Простите.

Леля. В капиталистическом обществе вся любовь сводится к влечению одного пола к другому. В нашем советском обществе интересы мужа и жены не противоречат друг другу. У нас юноша и девушка прежде всего стараются узнать культурные потребности и интересы друг друга и только после этого соединяют свои судьбы. Потому что дружба может быть без любви, а любовь не может быть без дружбы. Отмечая недостатки, имеющиеся в семейной жизни, поэт Щипачев писал *(прочитала из конспекта)*:

Любовью дорожить умеете,  
С годами дорожить вдвойне.  
Любовь не вздохи на скамейке  
И не прогулки при луне.

С правильных позиций решают вопрос семейной жизни авторы Лев Ошанин и Елена Успенская в пьесе «Твое личное дело». Сейчас наше общество подходит к завершению строительства новой советской семьи. И решение этого вопроса зависит от каждого из нас, от молодежи!

Бибичев *(Леле)*. У тебя все?

Леля. Да. *(Садится.)*

Бибичев. Так, товарищи, у кого будут вопросы? Предложения, размышления. Обдумайте и в бой.

Молчание.

— Так... Уж и тема интересная, есть о чем поговорить. Тема всем нам близкая... Ну что ж, посидим, помолчим? Между прочим, сами себя задерживаем. *(Положил перед собой часы. В зале пошумливали.)* Тихо! По делу!

Уборщица. Давайте! Ну, давайте!

Бибичев. Не надо, Клара Павловна. Не надо! *(Стукнул по столу. Проверил, не остановились ли часы.)*

Ирина. Можно мне?

Леля *(Бибичеву)*. Волкова...

Бибичев. Пожалуйста, Ирочка.

Ирина *(встала)*. Что такое любовь? Все говорят по-разному. *(Села.)*

Леля *(встала)*. Я уже давала определение любви, надо было слушать. Любовь — это физическое влечение при единстве культурных и общественных интересов.

Ирина *(встала)*. А еще?

Леля. Что еще?

Бибичев. Может, хватит? Может, хватит концерт из собрания устраивать?

Ирина. Еще как можно сказать?

Леля. А как ты сама думаешь?

Ирина. Кто как говорит... Одни говорят: любовь — это привычка. Другие — отношения. Третьи — что это само собой...

Женька (*Феде*). Смех, аплодисменты.

Ирина смутилась, обиделась, ушла.

Бибичев (*вслед ей*). Волкова! Волкова! Кто разрешил уходить!

Женька (*Леле*). Леля! У меня вопрос! Лель!

Леля. Я тебя слушаю, Женя.

Женька. Ты, помнится, говорила, что настоящей любви в жизни нет, что настоящая любовь только в кино бывает. Это как понять?

Леля. Это мое личное мнение.

Женька. А у нас личное с общественным не расходится.

Бибичев. Давайте не препираться. Кто хочет выступить — просите слово и вот сюда. (*Женька идет к столу.*) Ну что, обдумала?

Женька. Юра! Расскажи всем, как ты любил? Где? Когда? Кого? Сколько? Поделись, Юра, впечатлениями.

Бибичев. Шульженко, давай без партизанщины.

Женька. Все ясно.

Бибичев. Так что, будем продолжать беседу? Тогда опять я скажу два слова. Партия нас учит — что? (*Уставил палец в одну из девушек и сам за нее ответил.*) Партия нас учит вскрывать имеющиеся недостатки. Вот мы говорим — культурные интересы, моральный облик. А правильно ли мы живем сами, товарищи? Товарищи! Иванов, заснул!

Подними голову! Нет ли среди нас таких, кто унижает звание комсомольца? (*Голос из зала: «Есть».*)  
А мы молчим!

Женька. Ну ты-то не молчишь.

Бибичев (*не слушая*). Вот эта безынициативность с вашей стороны — явление, лежащее в нас самих, но оно и является обратной стороной недостатков в работе нашей комсомольской организации.

Женька. Сейчас про меня скажет.

Бибичев. Умница, Шульженко, о тебе я и хочу сказать. Ни для кого не секрет, что нашу комсомолку Женю Шульженко с позором вывели из клуба...

Женька. Оживление в зале.

Бибичев. Также ни для кого не секрет, что этот факт попал на страницы... получил, так сказать...

Женька. Международное звучание.

Бибичев. И вот в связи с этим вопросом о любви и дружбе, который мы сегодня затронули здесь, хочется прочесть одну цитату из одного письма в адрес... (*Указал на Женю.*)

Вынул из стопки одно письмо, прочитал:

— «И так уж над тобой смеются везде — и в Ленинграде, и у нас в Полоцке. А если ты гуляешь с каким-нибудь парнем, то он тоже погуляет с тобой, посмотрит на тебя, поматросит и бросит, и тоже посмеется».

Женька. Пока еще никто не бросал. Могу, наоборот, уступить.

Бибичев. Шульженко, прекрати балаган!

Женька. Другой бы на твоём месте спасибо сказал. Если б не я, о ком бы ты на всех собраниях разглагольствовал?



Бибичев. И вот, товарищи, пока у нас будут существовать такие явления, как Шульженко, до тех пор мы и будем, товарищи, не разглагольствовать, как ты выразилась, а говорить! (*И — с пафосом, исступленно.*) Только говорить честно! Принципиально! По-комсомольски! Ясно? (*Деловито — Леле.*) У нас всё в повестке?

Леля. Всё.

Бибичев. Какие будут предложения?

Уборщица. Лекция хорошая, побольше бы таких. (*Взяла со стола графин, ушла.*)

Бибичев (*вслед, возмущенно*). Клара Павловна! Клара Павловна!

Музыканты снова приступили к репетиции, марш тех времен. Бибичев наклонился к Леле с каким-то вопросом, но та, не ответив, ушла.

— Тогда все.

Уборщица. Расходитесь, молодежь, спать пора.

Стали расходиться. Бибичев со значением, для Феди, положил на стол газету со статьей о Шульженко, тоже ушел.

Женька (*Феде*). Нет твоей симпатии. Не вернулась...

Федя. Ты-то что волнуешься?

Женька. Беспокоюсь за строительство новой семьи.

Федя. Не твоя забота.

Женька. Гордый какой, сил нет! Ладно, морячок, посидели. Тебе к маме пора. Иди, не упади.

Уборщица (*возвращается*). Сколько говорить?! Красный уголок для мероприятий, а не для разврата.

Федя. Пока, приятных снов. (*Уходит.*)

Уборщица. За курсанта принялась. Ох, Шульженко, доиграешься, смотри... Всё. Гашу. (*Выключила свет.*)

Радиорепортаж. Горняки обсуждают план шестой пятилетки. В Узбекистане началась уборка хлопка. Кукуруза трехметровой высоты. Вертолет над садами. Комсомольская путевка. Бескамерные шины для автомобилей. Новый сезон в Московском театре эстрады.

Надюша. Сюда...

Ввела за руку Федю. Темно, Женька не видна. Обняла его, целует.

— Бедненький мой, ждал? Ну прости... Тоска напала, бродила по улицам, промокла вся. Потрогай, волосы мокрые. А знаешь, где я была? В нашем садике была, около тети Вероники. Села на скамейку, сижу, а дождик трап-трап по кустам, осенью пахнет, мокрой листвой... Песню нашу вспомнила. Помнишь нашу песню? (*Пропела.*) Куда бежишь, тропинка милая... (*Федя молчал.*) Что-то старое стала вспоминать. Маму, тетю Веронику.

Федя. Болеет второй месяц. Правая сторона отнялась.

Надюша. Ты был у нее?

Федя. Заглянул. О тебе вспоминала.

Надюша. Жаловалась?

Федя. Зачем? По-хорошему вспоминала. Рассказывала, как тебя в корыте мыла. Тощенькая, говорит, лопаточки торчат, одно плечо выше другого...

Надюша. А как между лопаток била: сиди ровно, не говорила?



## СОДЕРЖАНИЕ

Фабричная девчонка. *Пьеса*. . . . . 5

### *Повести для театра и кино*

Старшая сестра . . . . . 61

Пять вечеров . . . . . 105

Дочки-матери . . . . . 151

С любимыми не расставайтесь . . . . . 178

Дульсинея Тобосская . . . . . 226

Осенний марафон . . . . . 285

### Записки нетрезвого человека

*Автобиографическая проза* . . . . . 333